

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-350-356

УДК 821.161.1

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ. ВЗГЛЯД ИЗ ПАРИЖА И НИЦЦЫ¹

Т.В. Балашова

Институт мировой литературы РАН
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а

Год 2017 был щедр на конференции, коллоквиумы, «круглые столы», избравшие темой не столько сам *момент* Октябрьской революции, сколько причины его породившие и события за ним последовавшие. Из необозримого количества научных встреч здесь предполагается представить только три (материалы этих встреч автор статьи имеет в руках), состоявшиеся во Франции.

Объединенными усилиями Французской Ассоциации русистов (AFR), парижского Университета (L'Université Paris 1 Panthéon Sorbonne) и Национального Центра научных исследований (CNRS) 25 марта 2017 г. была проведена конференция «Вокруг 1917: Россия от военных действий к революционным».

Российская Академия наук, а точнее Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 26—27 октября 2017 г. провел в здании Российского духовно-культурного православного Центра на набережной Бранли конференцию по теме: «Первая мировая война и русская революция 1917 года в российских и французских литературных источниках».

А 10—19 ноября 2017 г. революционные события России обсуждались в «Русском доме» города Ниццы — на базе Университета Лазурного берега.

Автору статьи кажется, что все три научные встречи имели общую черту, определяемую вековой дистанцией и уважением к фундаментальной науке: докладчики не столько стремились «дать оценку», или, так сказать, продекларировать свое отношение к столь глобальному событию, сколько делились размышлениями, сопоставляли мотивировки, уточняли факты, знакомили с новыми архивными материалами, намечая направления для дальнейшего изучения.

На первой, мартовской конференции богатством архивных открытий поразил доклад почетного профессора Сорбонны Вероники Жобер «Разложение армии от марта к октябрю 1917». (Недавно Вероникой Жобер издан в России потрясающий живыми свидетельствами дневник ее деда Иосифа Ильина «Скитания русского офицера», 2016.) Необычайно насыщен фактами был доклад Игоря Нарского (г. Челябинск), нарисовавшего жизнь уральских городов осени 1917 г.; серьезную фактографическую канву экономических экспериментов с октября 1917 по июнь 1918 гг. представил Александр Шубин (сотрудник Института всемирной

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного Проекта № 17-04-00438а. Руководитель Проекта — профессор РАН Вадим Владимирович Полонский.

истории РАН), скрупулезно проанализировав переход от «атаки на капитал» к «военному коммунизму»; с предельной детализацией захронометрировала «Функционирование первых Советов» Эмилия Кустова (Университет Страсбурга). Неожиданную ноту внесло сообщение о «ПЕРВОЙ» коммунистической партии Франции, возникшей (и вскоре исчезнувшей) сразу после октябрьских событий в России (докладчик Эрик Онобль, Университет Женевы). Подлинно профессиональный анализ предложили оба выступления, освещавшие трансформацию исторического взгляда на Октябрь в российских книгах перестроечной и постперестроечной поры (доклады Орландо Фиж из Англии и Ольги Конки (Университет города Бордо)).

Конференция, прошедшая в ноябре в «Русском доме» Ниццы — по инициативе и под руководством ее директора, — Элен Метлов — решительно расширила рамки «революционности». Предложена тема — «Русские революции: образы и воображение. От Петра Великого до 1917». Иначе говоря, предполагалось подчеркнуть, как уточнялось, «роль искусства на всех этапах эволюции человечества и обсудить вопрос, может ли революционное искусство стать искусством, воспевающим Революцию». Давнее, взаимно-полезное притяжение двух стран отражено в докладе, посвященном визиту 1717 г. Петра I, когда царь, взяв на руки и расцеловав ребенка-короля, произнес: «Вот со мной вся Франция!» (доклад Ризи—Мари Жозе, историка из Ментона). Мощные раскаты Октября запечатлены в сообщениях «Испытание столетним юбилеем: странности финского национального сознания» (Себастьян Канולי, специалист по финно-угорской культуре, г. Ницца), и «Реакция греческой интеллигенции на русскую революцию. 20-е годы» (Катерина Назлуглу, Университет Бордо). Загадочную связь с Февральской революцией уютной усадьбы близ Ниццы («Поместье Вальроз в сердце русской революции») приоткрыл Доминик Ларедо (Университет Лазурного берега). Как и в мартовской конференции, тут тоже были проанализированы отражения важнейших событий в «меняющихся зеркалах» российских учебников истории, чтобы наметить пути «как преподносить события Октябрьской революции новым поколениям» (Алла Нейман, сотрудник парижского Русского научно-культурного Центра). К этому обзору примыкал доклад, утверждавший крепкую преемственность российских научных школ (Юлия Балашова, профессор Санкт-Петербургского государственного университета), что резко подчеркнуло абсурдность возведения железного занавеса на поле научно-исследовательского поиска.

А между этими двумя конференциями, подготовленными учеными Франции, состоялась конференция, организованная Российской Академией наук под руководством директора Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького — В.В. Полонского.

Конференции, о которых шла речь, складывались (как обычно складываются конференции) на основании предлагаемых учеными тем, обычно им близких, давно их занимающих — и цепочка заглавий докладов имеет определенную эмоциональную силу, как бы подтверждающая, что дата 1917 для многих участвующих в конференции исследователей (11 докладов на мартовской конференции, почти столько же на ноябрьской, в Ницце) — знак многолетних размышлений о том рубеже, что в 1917-м рассек самое ВРЕМЯ. Выпущенное к настоящему времени

издание материалов мартовской конференции (журнал LA REVUE RUSSE № 49, 1918) продемонстрировало, что очень «личные» темы образовали целостное единство, хотя некоторые тексты — в печатном варианте — поменяли заглавия или несколько изменили акценты.

Темы, предложенные Российской Академией наук, выросли из двух уже опубликованных трудов единого Проекта — «Русская Революция 1917 года в литературных источниках и документах» (М., 1917). Панорама получилась максимально полная. Обобщающая тема разворачивается в сегментах творческих судеб Вячеслава Иванова, Андрея Белого (Валерий Петров, Институт философии РАН; Елена Глухова, ИМЛИ РАН), Александра Блока (Е. Плюханова, Университет Перуджи; А. Шишкин Университет Салерно), четы Буниных (Олег Коростелев, зам. директора ИМЛИ РАН), Леонида Андреева (Михаил Козьменко, ИМЛИ РАН), Романа Роллана (Марина Ариас-Визиль, ИМЛИ РАН), Георгия Чулкова (О. Богданова, ИМЛИ РАН), Максимилиана Волошина (Татьяна Викторова, Страсбург) и др.

При том, что в одном случае конференция предшествовала книге, а в другом — книга — конференции, при том, что ракурсы рассмотрения сильно отличались, параллелизм многих исследовательских подходов несомненен. Как особая «литературоцентрическая» страна, Россия продемонстрировала значимую закономерность: «Именно в зеркалах словесности порожденные революцией грандиозные тектонические сдвиги русской жизни обрели наиболее точные и объемные отражения» [1. С. 3], представившие соединение несоединимого: «катастрофизм крушения» и «энтузиазм» деяния, восприятие революции как «преображения всего Космоса» [1. С. 6] Поэтому предметом рассмотрения имлийской конференции была именно литература.

Мартовская же конференция Ассоциации французских русистов больше внимания уделяла проблемам экономическим, политическим (это мотивировано и активным участием в ней историков). Конференция в Ницце дала как бы одинаковое освещение и литературным и общественно-политическим факторам, но с поправкой на буйства воображения, которое сильно меняло картину. И, тем не менее, близость многих обобщений и заключений очевидна.

Во всех случаях внимательно хронометрируется исторический отрезок пути от начала Первой мировой войны к двум революциям. Везде явственно проявлен момент столкновения идеала с реальностью и дальнейший опасный вариант извращения идеала. Непременен анализ активности искусства: в мартовской конференции доклад Луизы Мартен-Шевалье (Университет Париж — 8) «Русский музыкальный авангард. 1914—1921»; в октябрьской — доклад Елены Гальцовой (ИМЛИ РАН) о восприятии русской революции французскими авангардными группами. Тема доклада Екатерины Дмитриевой («Литературные фантазии на тему русской революции 1917 года. По российским и французским литературным источникам») словно предвосхитила тему ноябрьской конференции на Лазурном берегу, где **ВООБРАЖЕНИЮ** было уделено внимания не меньше, чем строгим фактам.

Везде горестная констатация «обвала вековой гуманистической парадигмы отечественной культуры» [1. С. 3] и резкое неприятие «тотальной идеологизации»

[2. С. 93], «жесткой идеологической матрицы», «огосударствления словесности» [1. С. 6], уродующей культуру новой России. Внимание было уделено и «коллективному бессознательному», которое в революционные моменты обнаруживает свои наиболее опасные стороны. Отчетливо выявилось общее мнение: искусство не может воспевать преступления, даже свершаемые под очень привлекательными лозунгами.

Параллели меж Французской революцией 1789 г. и Октябрьской революцией, между волнами якобинского террора и Гражданской войной — неизбежны. Французский исторический опыт, правда, имеет возможность предъявить три месяца (март—май 1871 года) «безупречного» умения управлять столицей Франции: «ни одной кражи, ни одного убийства, ни одного разграбленного магазина, ни одного разрушенного завода. Даже Французский банк не понес урона» — так заявляет профессор Сорбонны, ответственный редактор книги, вобравшей доклады мартовской конференции, Филипп Конт в своем Предисловии. Но три месяца — слишком короткий срок для оценки «деятельности» едва возникшего и сразу ушедшего в небытие государства. Гораздо больше реально поучительного (позитивного и негативного) несут нынешним поколениям те самые февраль—октябрь XX в. Вот почему год тысяча девятьсот семнадцатый долго еще будет «центром пристальных серьезных размышлений» [2. С. 11], заключает профессор Филипп Конт.

Открытый гуманитарный ПРОЕКТ, реализованный Российской Академией наук в сентябре—октябре 2017 г. (1) имел следующий девиз: «Преодолевая национальные и политические границы. Культурная синергия России и Франции». Думаю, что две конференции, организованные нашими французскими коллегами совершенно независимо от Проекта Российской Академии наук, тем не менее, вполне отвечают такому актуальному девизу.

Изучение этих судьбоносных событий не оборвется на полосе юбилейных встреч. Тем более, что научные сотрудники ИМЛИ (Вера Введенская и Михаил Козьменко), при участии зарубежных коллег, подготовили богатейшего содержания ИНТЕРНЕТ—САЙТ, специально посвященный Первой мировой войне и революции 1917 г. (ruslitwwi.ru), где есть и летопись литературных событий, и важнейшие документы («Научные материалы и публикации»), и росписи содержания многочисленных периодических изданий, и ряд труднодоступных литературных текстов тех лет.

Участники всех трех конференций декларировали, что цель, сколь бы ни была заманчиво очерчена, отнюдь не оправдывает «средства», если за этим словом — реки крови, оросившей землю, хоть России, хоть Франции. Поучительно взглянуть на «революционные моменты» истории России и Франции глазами русского поэта, так часто повторявшего: «Тянет домой, в Париж».

Максимилиан Волошин. Проведший с 1899 по 1916 гг. в Париже почти полных 7 лет. Активный участник литературного процесса сразу двух стран. Посредник двух культур. Но здесь предлагается услышать его суждения не о литературе, живописи, музыке, а о взаимосвязи понятий «революция» и «террор».

События января 1905 г. часто называют Первой русской революцией. Волошин, наблюдавший весь этот ужас, дал иное определение: «Это не революция, а чисто

русское национальное явление: мятеж на коленях» [3. С. 496]. Но когда **ПРОСЬ-БЫ** к власти формулирует не одиночка, а множество, власти сразу мерещится революция: «Мы знаем слишком хорошо историю Французской революции, чтобы допустить ошибки, совершенные тогда» [3. С. 498], — пояснил князь Владимир Александрович, генерал-губернатор Петербурга. И грянули залпы. Максимилиан Волошин, опубликовав заметку под заглавием «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца» в парижской газете «Европеец» (*L'Européen. Courrier International Hebdomadaire*, 1905 26 février), назвал эти дни «мистическим прологом великой народной трагедии» [3. С. 498].

Спустя год Волошин передал в русский журнал «Двадцатый век» (опубл. 1906, 30 июня) статью, в которой он, листая книгу историка Жоржа Ленотра о Французской революции, с трагической иронией вспоминает, что гильотина для участников Французской революции символизировала «порыв любви к человечеству», «великую надежду будущего века»: ведь пал абсолютизм. Восторжествовали свобода, равенство и братство? Нет, «чувство справедливости» — только первый импульс. Далее — волны агрессивной мести соревнуются в силе и жестокости. Как врагов революции казнили одну группу за другой (за год не менее 40 000 погибших — жирондисты, дантонисты, эбертисты), пока термидорианский переворот не положил конец якобинской диктатуре, став конечной датой Французской революции: «9 термидора — величайшая психологическая загадка революционно-го безумия» [3. С. 498], — пишет Волошин.

За границами статьи о книге Ленотра остались волошинские наброски, которые свидетельствуют, что Волошин страшится рассерженной толпы, потому что ее безответственные предводители провоцируют полет бумеранга, уничтожающего невинных. «Существуют страшные эпохи, — пишет Волошин, — когда смертный приговор висит над головой каждого вступающего в заколдованный круг красного безумия. Кто живет — тот осужден. Толпа, закрыв глаза, мечет искры смерти вокруг себя. В эти минуты неизбежно появляется один, который берет дело смерти в свои руки. Он дает свое имя убийствам» [3. С. 862].

Кровавый абсурд истории, над которым размышлял в начале века Максимилиан Волошин, явился ему в реальности России 1917—1918 гг. И Волошин, мужественно, рискуя жизнью, встал «над схваткой»: его дом в Коктебеле давал прибежище и «белым», и «красным».

Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
(«Китеж»)

Так возможны ли глубинные изменения общественного строя без кровопролитий, разоренных городов, голода, казней, доносов, обвинений в «предательстве» и «службе интересам другой стороны», без тюремных стен и осиротевших детей?

Недавно в одном из российских журналов был опубликован очерк о Питириме Сорокине — в формате полного согласия с «выводами» серьезного историка, но без единой отсылки к его тексту. Как стало ясно при сравнении публикации журнала с трудами П. Сорокина, его имя было лишь трамплином для утверждений о том, как следует государству бороться с оппозицией. Читателя убеждали, что

возникающее после революции государство всегда воспроизводит репрессивный аппарат государства, им уничтоженного. После первой стадии («Радость освобождения», сопровождающаяся «тотальной деструкцией» и «опасным искажением психики») наступает вторая фаза — время террора: «смысл этого противодействия состоит в том, чтобы отрезвить распоясавшееся общество, снова привить ему инстинкты законопослушания». Третья, завершающая стадия: новое правительство, уничтожив все контрреволюционные силы, «выстраивает свою систему контроля и порядка, которая станет синтезом старых, дореволюционных, и свежих элементов» [4].

Если ноты неизбежности террора после любого серьезного общественного «переворота» звучат вполне уверенно сейчас, в XXI в., значит встречи историков, филологов, коллег разных стран, имеющих иной взгляд на фатальность террора, действительно необходимы: новое поколение нельзя подталкивать к фатальному согласию жить в государстве, откровенно презирающем такие понятия, как «свобода», «демократия», «равенство прав».

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) В проект входили следующие конференции:
«Освоение французской литературной среды русскими писателями, общественными деятелями и религиозными публицистами-франкофонами в конце XIX — начале XX вв.» (28—29 сентября 2017);
«Французское католическое обновление и русское религиозно-философское возрождение конца XIX — начала XX вв: скрещения и диалог» (2—3 октября 2017);
«Антифашистское движение 1930-х годов: союз атеистов и христиан. Вокруг Международного Конгресса писателей в защиту культуры» (23—24 октября 2017);
«Первая мировая война и русская революция 1917 г. в российских и французских литературных источниках» (26—27 октября 2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Полонский В.В.* Русская революция в литературных отражениях: фон и предпосылки. Вместо предисловия / Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 3.
[2] *La Revue Russe*. 2018. № 49. P. 93.
[3] *Волошин М.* Собрание сочинений. В 13 т. Т. 5. М.: Эллис Лак. 928 с.
[4] *Еремишина К.* От гимнов к проклятиям. «СВОЙ журнал». 2017, март [Электронный ресурс]. URL <http://portal-kultura.ru/svoy/articles/filosof-o-filosofe/153223-ot-gimnov-k-proklyatiyam/> (дата обращения: 6 июля 2018).

© Балашова Т.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 7 мая 2018

Дата принятия к печати: 30 мая 2018

Для цитирования:

Балашова Т.В. Революционная Россия. Взгляд из Парижа и Ниццы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 3. С. 350—356. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-350-356

Сведения об авторе:

Балашова Тамара Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук. *Контактная информация:* e-mail: ak-taurus@mail.ru

RUSSIA IN REVOLUTION. A VIEW FROM PARIS AND NICE

T.V. Balashova

Institute of World Literature RAS
25 a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Article history:

Received: 7 May 2018

Revised: 25 May 2018

Accepted: 30 May 2018

For citation:

Balashova T.V. Russia in Revolution. A view from Paris and Nice. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (3), 350—356. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-3-350-356

Bio note:

Balashova Tamara Vladimirovna, doctor of Philology, Professor, Senior researcher of The Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences. *Contacts:* e-mail: ak-taurus@mail.ru